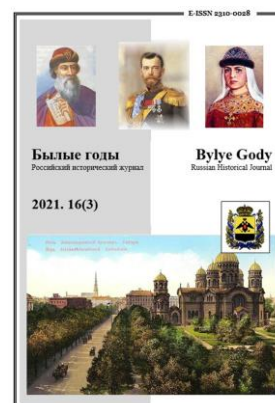

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1255-1266
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1255
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Reform of the Banking and Credit System in 1860–1890 in Russian Empire: A Historiographical Analysis

Ekaterina V. Krasavina ^{a, *}, Evgeniya V. Shubenkova ^a, Ekaterina V. Novikova ^a,
 Yuri V. Zabaykin ^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^b Sergo Ordzhonikidze Russian State University of Geological Prospecting, Russian Federation

Abstract

In the second half of the XIX century, financiers and politicians of the Russian Empire had to respond to the challenges of the time with clear reformation steps in the banking sector. Since the results of the scientific and technological revolution required active financing, new forms and methods of supporting entrepreneurship, the state embarked on the path of reforming the banking and credit system. The politicians of that time gained considerable experience in the field of reforming the banking system, which has not lost its relevance for modern generations of reformers, especially in terms of realizing the depth of the mistakes made. On the eve of the progressive reforms of the 1860s, the problem of attracting foreign investment in the industry and transport network of the Russian Empire became acute, because roads have already become an instrument of transnational politics and at the same time more diverse forms of entrepreneurship. The network of banks and insurance companies was rapidly expanding in Europe, and the lack of a clear regulatory framework for the activities of these institutions in the Russian Empire hindered both economic progress and the interaction of the banking system at the international level.

All historiographical sources of the pre-Soviet, Soviet and modern era on this topic can be conditionally divided into several groups, depending on the problems chosen by the authors, to which they are devoted. The first group should include sources devoted to the development of reforms. To the second – works that concerned the reform of specific banking institutions, in particular State, peasant, Noble and others. The third category includes studies on the evolution of the credit system within the banking system. Depending on the assessments of events and the attitude of the authors to the results of the reform, we can distinguish those works that contain positive assessments of events, and, of course, another group – with sharp criticism of the results obtained.

Keywords: reform, history, Russian Empire, banking system.

1. Введение

Реформа банковской и кредитной системы имела ряд составляющих: вбирала в себя основание Госбанка 1860 г.; упразднение казенных банков и появление коммерческих кредитных учреждений; основание Крестьянского поземельного банка 1882 г. и Дворянского земельного банка 1885 г.; новую реформу Госбанка 1894 г.

Учитывая это, можно выделить определенные этапы развития историографии. Первый этап, связанный с разработкой реформы, касался 1850–1860-х гг.; второй – продолжался в течение 1860-х гг. и отражал первые результаты реформы и реакцию на нее общества; третий – охватывал публикации 1870–1880-х гг., его условно можно считать этапом усиленного контроля над банковской и кредитной системой; четвертый – 1890-е гг. – этап завершения реформы Государственного банка.

* Corresponding author

E-mail addresses: Krasavina.EV@rea.ru (E.V. Krasavina), Shubenkova.EV@rea.ru (E.V. Shubenkova), Novikova.EV@rea.ru (E.V. Novikova)

На середину 1850-х гг. перед реформаторами встала сложная проблема вроде избрания правильного подхода к воплощению реформы банковской и кредитной системы. Процесс ее разработки нашел надлежащее освещение в историографии. В частности, проекты реформы банковской системы и инновационные предложения российских чиновников заслуживают научного анализа, учитывая их значимость для дня сегодняшнего.

Исследователи того времени отмечали, что обстановка, которая сложилась в конце 1850-х гг., свидетельствовала о полной несостоятельности казенных банков отвечать на вызовы времени. Оживление промышленности и запланированное освобождение крестьян из-под крепостной зависимости требовали новых подходов к кредитованию в стране, поэтому назрела потребность не в государственном, а в частном кредитовании, следовательно, в банковской реформе.

2. Материалы и методы

Материалами исследования являются труды отечественных и зарубежных ученых, а также историков-очевидцев рассматриваемого временного отрезка в Российской империи.

Методологическую основу исследования составляют базовые принципы и методы исследования, которыми пользуется современная отечественная и зарубежная историческая наука и которые гарантируют беспристрастное и всестороннее освещение процесса приумножения исторических знаний.

Главнейшие среди многих принципы историзма, объективности, детерминизма, всесторонности, преемственности и т.п. Принцип историзма при анализе историографии темы позволил выявить процесс разработки и воплощения реформ финансовой системы в течение длительного времени. В частности, благодаря этому принципу, удалось проанализировать, как освещались в историографии вопросы разработки различных составляющих реформ финансовой системы (банковского, денежного, бюджетного, кассового устройства и финансового контроля), как происходило их обсуждение чиновниками, учеными, общественностью и в каком виде и формате они воплощались, какие дали результаты.

Принцип детерминизма дает возможность соотнести реформаторские процессы на разных уровнях и в то же время в неразрывном сочетании всех секторов реформированной финансовой системы.

Благодаря методологическим требованиям принципа историзма можно выделить этапы реформирования различных составляющих финансовой системы, определиться с их временными интервалами (показателен пример денежной реформы 1862–1863 гг., ее продолжение и логическое завершение в 1897 г.). Критериями для определения этапов могут стать качественные изменения в финансовой системе, которые повлияли на характер публикаций, чем изменили взгляды широких кругов общества.

Принцип объективности предполагает, что источники и факты должны быть оценены непредвзято, несмотря на долю собственно авторского субъективизма, особенно учитывая труды негативно настроенных к реформам авторов и чиновников XIX века, выводы советских историков с идеологическим подтекстом.

Принципы системности и всесторонности всегда лежат в основе авторского видения реформ финансовой системы как единого комплекса мер, неразрывно связанных и взаимообусловленных. Для реализации принципа был учтен прирост новых знаний и использованы источники исторического, историко-правового и историко-экономического содержания.

3. Обсуждение и результаты

Дореволюционный банк осуществлял подписку, покупку и продажу разнообразных ценных бумаг, кредитовал покупку ценных бумаг и т.п., а модель его работы наложила отпечаток на содержание разработанной реформы в Российской империи.

Изучение европейского опыта позволило российским властям понять бесспорный факт: европейская банковская и кредитная система развивалась естественным образом, то есть сначала банки сами внедряли новые способы обслуживания клиентов, а европейские государства впоследствии подвели под это законодательную базу. Вовлеченная и забюрократизированная Российская империя стремилась сначала разработать законы и в их рамки втиснуть банковскую систему. В своем содержательном труде П. Мигулин подчеркивал, что в Европе банки создавались по частной инициативе и на частные средства и государство не вмешивалось в их деятельность (Мигулин, 1900: 113). Накануне реформы частных банков не существовало, финансовая система была монополизирована государством. Эту действительность было почти невозможно исправить в корне. Строгий государственный контроль над всеми сферами жизни общества ставил реформаторов в определенные рамки.

В то же время работа над реформой происходила в условиях, когда вектор развития финансовой системы был уже задан министром финансов Е.Ф. Канкриным (1823–1844 гг.), который ставил государственные интересы выше права частных лиц овладеть коммерческим делом (Мурчисон, 1841: 150). И его взгляды чрезвычайно сильно укоренились в обществе. Такой жесткий

государственный контроль за финансовой системой в целом находил поддержку правящих кругов. Об этом прямо указывали в историко-биографических очерках, посвященных министру А.Ф. Кейзерлингу и И.Н. Божерянов. Сквозь призму его деятельности исследователи фактически осветили правительственные настроения.

П. Мигулин вспоминал, что граф Е.Ф. Канкрин занимался развитием казенных банков, ведь государство регулярно брало у них займы, поэтому в поддержке частной инициативы министр не видел необходимости (Мигулин, 1900: 214). Не дефицит является существенной причиной в реформе, о которой написал публицист, авторитетный эксперт МНО М.Х. Вессель. Он высказался в поддержку казенных банков и отмечал, что они не имели недостатка капиталов, поскольку всем, кто вкладывал в банк средства, давали билеты на предъявителя, которые ходили в обращении в качестве денег (Мигулин, 1900: 311).

Поэтому причины, почему именно Е.Ф. Канкрин и не собирался реформировать (ликвидировать) казенные банки, становились очевидными. Кроме него, опасения относительно радикально новых форм управления финансами в государстве и новых механизмов решения вопросов описывал и известный экономист М.И. Туган-Барановский (Туган-Барановский, 1913: 100). В целом государственная политика сдерживания неизбежных прогрессивных явлений пронизывала правительственные круги и в то же время заставляла их публично признавать потребность в реформе. Содержание трудов вышеназванных авторов свидетельствовало о зарождении в историографии институционального подхода.

Историография банковской реформы очерченного исторического периода не является столь многочисленной, как в предыдущие годы. Помимо трудов советских историков, она представлена и исследованиями европейской и американской исторической науки. Заметим, что советская историческая наука двигалась в направлении поиска лишь недостатков в деятельности царского режима. В основном историография представлена незначительным количеством исследований, именно узкопроблемными трудами, посвященными банковской реформе в целом и ее отдельным составляющим – конкретным банкам: дворянскому земельному и крестьянскому поземельному; государственному; ряду акционерных частных банков и модернизации кредитной системы.

Учитывая собранные источники, условно можно выделить несколько этапов в изучении этой темы:

Первый этап касается трудов 1920–1930-х гг., почти не ангажированных содержательно и по большей части посвященных тематике развития купечества.

Второй этап охватывает исследования 1940–1960-х гг., связанные со становлением основ советской финансовой науки, что дало толчок появлению различных справочных и энциклопедических изданий уже с определенно негативными оценками реформы. В то же время именно в конце 1940-х гг. и в течение 1960-х гг. появились первые узкопроблемные труды, посвященные исключительно банковской реформе и развитию кредитных учреждений Российской империи. Настоящим интеллектуальным прорывом этого времени можно считать тщательное изучение историками десятков проектов банковской реформы. Им удалось избежать идеологической ангажированности, сосредоточившись на изложении фактов и статистических данных.

Третий этап, охватывающий 1970–1980-е гг., связан с интересом ученых к роли конкретных фигур прошлого в реализации реформы, с активизацией региональных исследований по истории деятельности отдельных банковских учреждений и появлением работ, посвященных купечеству отдельных губерний и развитию имперских банков.

В 1920-х гг. одними из самых первых были отпечатаны работы по истории развития буржуазных отношений, истории русской торговли, становления купечества. Это было вызвано общегосударственными тенденциями поиска советской Россией новых рынков сбыта товаров, новых партнерских международных отношений. Так, признание получили исследования П.А. Берлина «Русская буржуазия в старое и новое время» (Берлин, 1922), И.М. Кулишера «История русской торговли» (Кулишер, 1923), Б.Б. Кафенгауза «Купеческие мемуары» (Кафенгауз, 1926) и др. В этих трудах тематика банковской реформы освещалась вскользь и лишь сквозь призму анализа тех или иных аспектов развития торговых отношений и деятельности отдельных персоналий. Однако негативных оценок реформа не получила. Напротив, историки признавали, что она простимулировала численный рост буржуазии, способствовала увеличению торгового оборота.

В 1940-х гг. появились первые содержательные издания, которые в целом освещали предпосылки финансовых реформ в Российской империи, и банковской в частности. В труде И.Г. Блюмина уже содержался анализ развития экономической мысли в России накануне банковской реформы 1860 г. и были проанализированы взгляды зарубежных ученых с предложениями изменений в банковской системе (Блюмин, 1962: 544).

В то же время труды узкопроблемного содержания, посвященные именно банковской реформе и весомой ее составляющей – кредитной системе, опубликовал в конце 1940-х гг. И. Гиндин. В первом обстоятельном исследовании, посвященном становлению коммерческих (негосударственных) банков в Российской империи, он подсчитал, что «в течение первых пяти лет после банковской реформы (1864–1868 гг.) при поддержке Госбанка, который действовал с целью кредитования коммерческой

деятельности, возникли шесть кредитных учреждений, а в 1873 г. в государстве уже насчитывали 33 кредитных учреждения (Гиндин, 1997: 522).

Это было откровенно положительное признание результативности реформы в советскую эпоху. Углубляясь в тему, ученый подчеркнул, что ее причиной следует считать развитие железнодорожного полотна в России и быстрое развитие предпринимательства, что требовало активного кредитования. В частности, историк делал акцент на документах Минфина тех времен, в которых значилось, «что при постоянных выпусках ценных бумаг, акций и облигаций железных дорог – выдача займов под эти ценные бумаги является полезной, так как способствует быстрой их концентрации как один из немногих советских мелких капиталистов».

Тема введения единого бюджета, кассового устройства и реформирования учреждений финансового контроля в Российской империи приобрела остроту в связи с комплексными реформами финансовой сферы, связанными с банковской и денежной реформами. Поскольку первые шаги на пути реформирования денежной системы не имели успеха при управлении Министерством финансов М.Х. Рейтерном (Русский архив, 1894), то прежде всего чиновники осознали причины этого. Среди большинства причин неудач реформаторов стала неурегулированная система финансового контроля страны и отсутствие единого кассового устройства, ведь каждое министерство имело собственный бюджет и неконтролируемые затраты. В дореволюционное время ни в законодательстве, ни тем более в российской научной литературе термин «государственный финансовый контроль» не применялся как дефиниция с четко очерченным содержанием. Специалисты того времени употребляли термин «государственный контроль» и понимали под ним процесс проверки исполнения решения любого органа или сугубо наблюдения с целью проверки. Одновременно с этим в содержание этого термина вкладывали понимание деятельности конкретного учреждения, которое и осуществляло проверки. Так, «государственным контролем» даже чиновники называли как процесс проверки, так и сам контролирующий орган.

Дореволюционная историография дает возможность выяснить состояние российской финансовой науки, проанализировать ее влияние на содержание финансовых преобразований, которые начались во второй половине XIX века. Труды того периода дают возможность выделить хронологические рамки этой комплексной реформы (вторая половина XIX – начало XX вв.), в пределах которых произошло три этапа реформирования:

1) 1855–1862 гг. – время наработки содержания реформы, появление значительного количества проектов, изучение европейского опыта госконтролером В. Татариновым;

2) 1862–1892 гг. – введение реформы 1862 г., систематических изменений и поправок к нормативной базе, введение реформы «единство кассы» 1864 г. сначала как эксперимент в Петербурге, а в течение 1866–1868 гг. – по всей стране; новая и системная кодификация учреждения Госконтроля 1892 г.;

3) 1893–1917 гг. – уменьшение требований к контролю за военными ведомствами, окончательное становление русской финансовой науки и ее категориального аппарата и т.п.

Становление российской финансовой науки происходило в тесной связи и под влиянием зарубежных научных школ. Из содержания зарубежных трудов следует, что в первой половине XIX в. продолжался процесс выделения финансовой науки из политической экономии в самостоятельную отрасль знаний. А. Вагнер и Р. Гнайст создали фундаментальные исследования, содержание которых убеждает, что европейские специалисты наработали теоретическую основу для аналогичной реформы в собственных странах и эти труды уже содержали разъяснение ключевых финансовых терминов, которые могли бы на практике использовать законодатели (Ильинский, 1913: 15).

Есть основания полагать, что в первой половине XIX в. российская финансовая наука самостоятельно была еще не в состоянии ответить на вызовы времени, сформировать и обосновать реальные предложения относительно процесса реформирования финансовой системы страны, поскольку не могла предложить понятийный аппарат, который был бы заложен на будущее в новое законодательство. Зато, анализируя весь прогресс реформаторов, М. Рабинович отмечал, что в первой четверти XIX в. европейские финансисты начали воплощать мероприятия по централизации кассы, и лучшим образцом, достойным подражания, для них была Франция. Впоследствии и Россия начнет изучать французский опыт (Кулишер, 1923: 221).

Прежде всего чиновники взялись за систематизацию кассового устройства, то есть «единство кассы». Именно таким термином оперировали исследователи во второй половине XIX и в начале XX вв. сущностно, под ним мы сейчас понимаем деятельность Казначейства и его структур. Без единого кассового устройства нельзя было вводить реформу фискальных и контролирующих органов, ведь единая система контроля за затратами возможна только при условии систематизации затрат. Исключительно при таких условиях государство могло сформировать единый бюджет. В то же время контроль за расходами из бюджета был возможен только при наличии системы единого кассового устройства, поэтому все эти процессы были неразрывно связаны.

Впервые вопрос о целесообразности введения единого кассового устройства был поднят в России в 1855 г. Из труда, посвященного изменениям в государственной отчетности, известно, что следствием согласия правящих кругов на реформы и интереса к зарубежному опыту стала

командировка генерал-контролера департамента гражданских отчетов и. о. Татаринова в Европу. Так был начат первый этап в истории, связанный с разработкой реформы (Яснопольский, 1912: 153).

Подчеркнем, что комплексная реформа госконтроля была неразрывно связана с фигурой государственного контролера и главного ее вдохновителя Валериана Татаринова. В дореволюционной историографии не так много исторических трудов, посвященных его деятельности (Яснопольский, 1912: 65).

Все выпущенные ученым труды являются результатом изучения различных финансовых систем стран Европы. В частности, под влиянием глубокого анализа иностранных финансовых систем и трудов зарубежных специалистов по истории становления финансовых систем он утверждал, что ему все же больше всего импонировала система Англии. Сущность английской реформы заключалась в том, что в этой стране бюджет рассматривали две парламентские комиссии (отдельно доходы и расходную часть), после чего министр финансов выносил его на обсуждение парламента, а изменение целевого использования средств запрещалось. Фактически такая система была достаточно жесткой и неприемлемой для Российской империи, ведь эта монархия не была парламентской, а ее монаршие круги даже мысленно не могли принять факт ограничения собственных действий.

Во Франции процедура принятия бюджета была иной. Сначала обсуждали главные статьи бюджета, дополнительные кредиты и чрезвычайные расходы, потом бюджет утверждали палаты, Государственный совет по согласованию с министрами. Такая система, конечно же, больше импонировала российским чиновникам. Чрезвычайно лестно о ней высказался В. Бутовский в труде «О государственной отчетности Франции», подчеркивая ее гибкость и практичность (Кулишер, 1923: 87).

Однако теоретические разработки и публикации вышеназванных авторов существенно повлияли на мировоззрение чиновных кругов Российской империи, довольно предвзято отнесшихся к предложениям В. Татаринова, который, осознавая отсутствие ограничивающих факторов (как английский парламент) для российских чиновников, начал пропагандировать введение системы предварительного государственного контроля. В системе предварительного контроля он видел спасение, поскольку контролеры могли вмешаться на этапе планирования бюджетных расходов и этим обуздать аппетиты чиновных кругов.

В Пруссии также существовал аналогичный Франции порядок, действующий с 1849 г., по которому санкция главы государства перед обнародованием бюджета была обязательной.

Однако анализ этих злоупотреблений не нашел дальнейшего освещения в научной или профессиональной для финансистов литературе. Именно на почве бурных публичных дискуссий в Российской империи и в среде зарубежных специалистов В. Татаринов не только взялся за разработку проекта, изучив опыт других стран, но и углубился в анализ системы затрат военных ведомств зарубежных стран.

Госконтролера возмущало то, что в Российской империи Военное министерство фактически представляло собой «государство в государстве» через формирование собственного бюджета и постоянные внеплановые расходы на свои нужды. Особенно ощутимо это сказалось при праздновании этим министерством своего столетнего юбилея в 1860 г. Опубликовав отчетности Морского ведомства Франции, он отметил, что, несмотря на все различия в финансовых системах европейских государств, в них все же заложены принципы систематичности и однообразия составления смет разных ведомств и государственных бюджетов. Этим он подчеркнул, что даже в военных учреждениях Франции нет такого беспорядка, как в Российской империи.

В. Татаринов предложил проект изменения системы государственного контроля, который заключался в максимальной централизации всех государственных средств путем введения «единства кассы», то есть единого кассового устройства (Яснопольский, 1912: 213). Сущность идеи заключалась в том, чтобы изменить ситуацию, которая существовала до реформы. Выделение фигуры госконтролера в статус неподконтрольной правительственной персоны беспокоило чиновные круги, но эта идея нашла поддержку на страницах некоторых изданий.

Редакции отдельных российских периодических изданий прямо настаивали, что разрывать реформу контроля и кассового устройства нельзя вообще, поскольку без такого сочетания и строгого контроля за расходами бюджета не будет.

Итак, к середине XIX в. была подготовлена теоретическая основа реформы. Зарубежная историография различных проектов реформ была многочисленной и вместе с тем указывала, что Россия отставала от европейских государств с проведением финансовых преобразований, хотя бы даже в части публичности расходов различных ведомств. Несмотря на это, страна была обречена на прогрессивные преобразования, ведь российская финансовая система должна была быть приспособлена к мировым реалиям (Яснопольский, 1912: 64).

Так, в Российской империи была образована комиссия для разработки кассового и ревизионного порядка, которая руководствовалась четкой инструкцией относительно своей деятельности – так называемой «Меморией». Однако комиссия не решалась действовать быстро и принимать четкие решения, о чем свидетельствует поочередное издание ее документации, вроде проектов, пояснительных записок и т.п.

18 февраля 1859 года Александр II утвердил представленный Высшей контрольной комиссией проект модернизации бюджетного дела, кассового устройства (Единой кассы) и государственного финансового контроля (Кулишер, 1923: 81). Проектом было предусмотрено и введение предварительного контроля.

Итак, согласно проекту, реформа на самом деле представляла собой ряд сложных взаимосвязанных мероприятий, которые позволили Российской империи модернизировать и приспособить финансовую систему к потребностям времени. Этот проект был положен в основу Закона от 22 мая 1862 года, а сам Закон был представлен «Положением о государственном бюджете», которое соответствовало требованиям европейских стандартов, и «Правилами составления, рассмотрения, утверждения, исполнения государственного бюджета, финансовых смет министерств и главных управлений». «Правила» сущностно стали отражением официальной финансовой терминологии в России и особенностей конкретного исторического этапа развития финансовой системы империи. Реформа бюджета, кассового устройства и государственного финансового контроля дала возможность модернизировать другие составляющие финансовой системы страны – ввести банковскую и провести денежную реформы – и в течение второй половины XIX в. коренным образом изменить финансовую систему России (Кулишер, 1923: 93).

Прежде всего дискуссия между чиновниками обострилась в отношении главных субъектов предварительного контроля. На эту роль претендовали Министерство финансов и учреждение Государственного контроля, но чиновники добились от Александра II отказа от реформы предварительного контроля, ограничившись документальной ревизией. За учреждением Государственного контроля признали лишь право рассматривать сметы министерств. Можно считать, что реформа предварительного контроля оказалась видоизмененной и несовершенной.

Историография второго этапа воплощения реформы достаточно презентабельна содержательными и разнообразными трудами, богатыми на оценки и суждения. Непосредственно «Журнал комиссии для определения начал материальной отчетности. Объяснительная записка и проект ...» по состоянию на 1867 г. содержит информацию, которая указывала на перманентные изменения в позиции реформаторов, ведь отраженные там взгляды ответственных лиц свидетельствовали о неопределенности позиций многих участников процесса (Бунге, 1895: 331).

Другая существенная проблема российского общества касалась непосредственного отношения власть имущих к процессу решения профессиональных вопросов. Из «Всеподданнейшего доклада Государственного контролера о развитии и деятельности Государственного контроля с 1855 по 1880 гг.» видно, что «много ведомств пользовались большей значимостью и влиянием у монарха (императора), чем организация, которая их проверяла, и они считали себя вправе оставлять без внимания запросы и требования, которые поступали к ним из Ревизион-Коллегии (ревизионной коллегии – авт.)» (Дубницкий, 2015: 445).

Следовательно, даже по состоянию на 1880-е гг. сопротивление независимому государственному финансовому контролю со стороны различных подотчетных должностных лиц приводило к задержке отчетности, которую контролеры получали со значительным опозданием. Довольно нерегулярно чиновники предоставляли и пояснения на запросы контролеров, что влекло за собой длительную переписку и не способствовало результативности работы.

Однако, как считал специалист, предварительный контроль не был превращен в эффективную систему мер, что свидетельствует о неготовности правящих кругов поступать интересами. Как утверждает Г. Манаев, в те времена чиновники сопротивлялись большинству начатых реформ, и эта также не стала исключением (Манаев, 2010: 15). Известный финансист указывает, что именно министры, по проекту Татаринова, теряли право бесконтрольно распоряжаться средствами – как остаточными, так и тратить на свое усмотрение те, которые планомерно поступали в бюджеты их ведомств. В дореформенный период министерства и подконтрольные им ведомства имели собственные кассы и осуществляли как сборы, так и расходы. Как отмечает профессор Г. Манаев, средствами распоряжались по указаниям министров, в отдельных министерствах накапливались излишки средств, а определенные ведомства страдали от их нехватки. На этом этапе через кассы Министерства финансов проходило лишь 1/3 всех государственных средств, а, следовательно, не было единства, порядка, надлежащего надзора.

Зарубежные авторы и редакции влиятельных журналов также всецело поддерживали идею единства кассы, заметив, что в стране без единого кассового устройства и бюджета любые другие реформы вообще невозможны. То, что на счетах российских министерств годами оставались неконтролируемые средства, приводило не только к их нецелевому использованию, но и наносило экономический ущерб стране, делая невозможным преодоление бюджетной пропасти и приводило к всевозрастающим государственным долгам.

Иностранные, например, немецкие авторы неоднократно поднимали подобные вопросы, а также отдельные французские издания, связанные с отчетностью учреждения государственного контроля, которое выявляло бюджетные убытки, а отдельные чиновники вынуждены были во всеуслышание оправдываться за необоснованные расходы или убыточность собственных ведомств. Их труды убеждают, что на этом этапе Россия уже провалила денежную реформу 1862–1863 гг.

(провела ее в 1897 г. – авт.), поскольку физически не могла сосредоточить средства и досчитать их (Conant, 1908: 411).

Незавершенность реформы единства кассового устройства способствовала укоренению взглядов большинства чиновников на целесообразность существования в России спецбюджета (чрезвычайного бюджета), выгодного всем причастным к распоряжению государственными средствами. Несмотря на то, что финансисты выступали против существования спецбюджета, предотвратить это было невозможно, учитывая, что бюджетная реформа (единства бюджета) 1862 г. не была доведена до конца.

Однако реформа «единства кассы» встретила наибольшее сопротивление чиновничества, ведь Казначейство с тех пор могло отслеживать движение средств. Несмотря на то, что термин «казначейство» в научном обращении не использовался, а вместо этого как широкие круги общественности, так и ученые употребляли термин «единство кассы» или «единство кассового устройства», принцип действия сущности соответствует современному казначейству.

Отдельного внимания заслуживает в историографии оценка реформы «единства кассы», которая была введена в 1864 г. сначала экспериментально в Петербурге, а в течение 1866–1868 гг. по всей стране. Этой реформой в государстве образовывались пришельцы (на уровне уездных казначейств) и расходные кассы (Главное казначейство в Санкт-Петербурге, касса комиссии погашения долгов, губернские казначейства, местные казначейства, которые действовали не в губернских городах) (Гулящих, 2012: 120).

За единство кассового устройства высказался и финансист Я.И. Печерин, который подал обзор государственных доходов и расходов и негативно оценил беспорядок, царивший в финансовом ведомстве в течение первой половины XIX в., призывая обратить внимание на зарубежный опыт в решении этого вопроса (Дубницкий, 2015: 447). Его поддержал К. Головин, который очертил перспективы развития финансовой системы империи на дальнейшие годы и обосновал, что нарушение принципа единства кассы и бюджета повлечет финансовый беспорядок и неконтролируемые расходы (Дубницкий, 2015: 447).

В то же время заметим, что эта реформа меньше всего освещена в историографии. Специальных трудов, которые раскрывали бы ее содержание и значение, мало. Преимущественно ее сущность и оценки изложены специалистами в контексте освещения других реформ.

Эти критические оценки реформы как раз совпали во времени с контрреформационными мерами в стране и были обусловлены усилением личного влияния монарших кругов. В обзоре бюджетного законодательства за 1862–1890 гг. явно прослеживаются изменения нормативных требований, которые с годами слабели и прямо касались военной сферы.

Заметим, что по состоянию на 1892 г. было обнародовано Высочайше утвержденное 28 апреля 1892 года «Учреждение Государственного контроля». Фактически произошла кодификация нормативного акта, закрепившая правовой статус госконтроля. В частности, как исторический источник сборник речей госконтролера при утверждении бюджета поражает тем, что служащий даже в 1890-х гг. должен был еще публично доказывать чиновникам потребность в экономном расходовании средств, ответственном отношении к интересам страны и оправдываться за необходимость контролировать расходы.

После кодификации был отпечатан ряд сборников, циркуляров, инструкций для тех учреждений, которые подпадали под проверку Госконтроля.

Составителями этих сборников были известные ученые С.В. Меньковский, В.А. Сакович, И.М. Широков. Сравнивая их содержание с аналогичными сборниками нормативных актов до 1892 г., заметим, что весьма ощутимым становится ослабление требований к военным ведомствам, ведь режим секретности стал тем краеугольным камнем, который делал невозможным как предварительный контроль, так и оперативное вмешательство госконтролера на предварительном этапе разработки сметы для этих учреждений (Сакович, 1897: 114).

Именно в работах названных авторов отражена реакция общества на реформу Госфинконтроля. Эта группа исследователей достаточно корректно, подчеркивая отказ России от реформы предварительного контроля, постоянно привлекала внимание к ее успешности на Западе. Четко очерчены полномочия тогдашних органов финансового контроля, но вопрос их правового статуса, особенностей практической деятельности, взаимосвязь между различными органами авторы не определили, что помешало в итоге получить целостное представление о деятельности этих органов после 1892 г.

Вышеупомянутая фундаментальная работа построена прежде всего на значительном количестве статистических данных. Она показала особенности исторического развития различных органов контроля. Важно подчеркнуть, что ученые решились показать изменения в работе контролирующих органов сквозь призму изменений в деятельности органов власти и отметили хронический дефицит госбюджета, впервые тесно связав две проблемы: недостатки функционирования бюджетной системы страны с несовершенством и несистемностью деятельности госконтроля (Сакович, 1897: 224).

Ученые сравнивают систему госконтроля Российской империи с аналогичной в странах Европы. Они отметили, что госконтроль стал тем звеном страны, который сильно зависел от исторических особенностей развития властных органов разных стран, и призвали не перенимать европейский опыт

без критического анализа. В.А. Сакович зато создал труд, в котором впервые история развития органов госконтроля была показана на основе существующих нормативно-правовых актов и особое внимание было уделено реформе 1862–1866 гг., а именно – обновлению правовой базы деятельности ревизионных органов, созданию новых правил единого кассового устройства и т.п. (Сакович, 1897: 137). Так он сумел совместить вопросы организации работы контролирующих органов с юридическим полем их деятельности и экономическими показателями успешности их действий.

Отдельную группу работ, в которых вопросы госконтроля освещались глубоко, составляют труды по истории российского права в целом, и государственного и административного в частности.

Если реформу единства кассового устройства бурно обсуждали разные специалисты и чиновники, то тематика реформы финконтроля не нашла своего должного освещения в тогдашней периодике. На наш взгляд, это объясняется сложностью задачи, ведь данный вопрос был на стыке сложных отраслей знаний – права, финансовой науки, знания процессуальных норм и понимания соотношения полномочий органов финконтроля с другими государственными институтами страны. Поэтому пресса и периодика не смогли должным образом анализировать эту тему. Однако отдельные публикации заслуживают внимания. Сделана попытка показать историческое развитие Госконтроля как главного органа с особыми надведомственными функциями контроля в части финансовой деятельности государства (Сакович, 1897: 351). Автор проанализировал все перемены в законодательных актах относительно финконтроля почти за сто лет, принимая во внимание и взгляды на текущие изменения финансистов и контролеров-практиков. В итоге ученый положительно оценил нововведения.

В 1915 г. сделан вывод о значительном сопротивлении реформе со стороны власть имущих и их попытке повлиять на царя с целью ее ослабления или сведения на нет (Манаев, 2010: 13). Хотя государственному контролю как единому ревизионному органу предоставили право документальной ревизии всех государственных учреждений в центре и на местах, несовершенство реформы финансового контроля в части слабой процессуальной стороны привело к тому, что ведущие финансисты в течение 1880-х гг. так или иначе привлекали внимание общества к этой проблеме.

На наш взгляд, самостоятельной группой источников по очерченной теме являются юбилейные издания по истории государственных учреждений Российской империи. Одновременно с содержанием статистических данных за значительные промежутки времени функционирования госконтроля эти работы содержат оценки органов контроля за конкретные профессиональные действия. Однако следует подчеркнуть, что обусловленность изданий юбилейными веками деятельности Госконтроля повлияла на объективность их составителей, что внесло в работы тенденциозность и излишне лестную окраску. В качестве примера стоит упомянуть сборник «Министерство финансов. 1802–1902 гг.», отпечатанный по инициативе С.Ю. Витте, в котором функционирование Министерства финансов освещалось поэтапно, в соответствии со временем управления различных императоров.

Такая периодичность говорит об институционализированном подходе к анализу вопроса, обусловленном особенностями правления монархов, ведь необязательно, что при царствовании конкретных фигур происходили коренные изменения в деятельности Минфина. Аналогичный подход был применен и к сборнику «Государственный контроль. 1811–1911 гг.», который имел исторический обзор деятельности первых контрольных учреждений (Яснопольский, 1912: 205). Именно в этом сборнике широко освещены организационно-правовые основы функционирования такого типа учреждений, права и обязанности кадрового состава, предложенные чиновничеством проекты реформ, деятельность госконтролеров в пореформенное время. Учитывая предметный подход к теме, это издание более объективно освещает ситуацию, особенно в части борьбы за единый подход контролирующих органов ко всем объектам контроля, ведь известно, что каждое министерство и ведомство настаивало на своем праве тратить средства на свое усмотрение «для важных нужд» и реформу В. Татаринова воспринимали не все.

Общезвестным является факт, что эпоху Александра III через проведенные контрреформы историки охарактеризовали как период «реакции». Однако историография не дает оснований определить финансовые контрреформы, только отдельные студии этого периода указывают, что влияние консервативно настроенных чиновников на процессы модернизации финансовой системы страны увеличилось. В частности, товарищ обер-прокурора Святейшего Синода Т.С. Смирнов пытался доказать, что финансовые нововведения, начатые в 1860-х гг., несли в себе опасные идеи конституционализма, поэтому подал «Записку», в которой отметил, что тяжелое состояние финансов в 1880–1885 гг. стало следствием чрезмерно либеральной политики Александра II (Яснопольский, 1912: 61). Особенно он критиковал модернизацию банковских учреждений, из-за которой, по его мнению, правительство теряло доходы, а дворяне – дешевые кредиты, поскольку были вынуждены обращаться к частным кредитам и отдавать под залог имения. Крайне негативно он оценил налоги с доходов физических и юридических лиц. Исследователь призвал возобновить ипотеку, выкупить частные железные дороги и тому подобное. Такая реакция была вызвана снижением выкупных платежей и отменой подушной подати в 1887 г.

4. Заключение

В исследовании можно хронологически очертить реформы бюджета, единого кассового устройства и государственного финансового контроля второй половиной XIX – началом XX веков. В пределах этого периода произошло реформирование этих учреждений, что дает возможность очертить три историографических этапа в освещении реформ. В то же время на их границы влияли сугубо исторические события – введение конкретных нормативных актов, которые в свою очередь давали толчок появлению публикаций с соответствующими оценками таких сдвигов.

Поэтому можно выделить следующие этапы реформы:

1) 1855–1862 гг. – этап разработки содержания реформ, появление значительного количества проектов, изучение европейского опыта госконтролером В. Татариновым, утверждение первого официального проекта 1859 г.;

2) 1862–1892 гг. – введение реформы 1862 г., появление систематических изменений и поправок к нормативной базе, введение реформы «единства кассы» в 1864 г. сначала как эксперимент в Петербурге, а в течение 1866–1868 гг. – по всей стране, новая и системная кодификация Госфинконтроля 1892 г.;

3) 1893–1917 гг. – уменьшение требований к контролю за военными ведомствами, окончательное становление русской финансовой науки и ее категориального аппарата.

В реформе единства бюджета можно выделить два этапа реформирования: 1) 1862–1906 гг. – введение «Высочайше утвержденных 22 мая 1862 г. Правил о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении Государственной Респиси и финансовых смет министерств и главных управлений», вместе с которыми применялись «Правила о порядке испрошения разрешения и ассигнования Военному и Морскому министерствам денежных средств на расходы, вызванные военными обстоятельствами»; 2) 1906–1917 гг. На этом этапе «Общие сметные правила 1862 г.» действовали только в неотмененной части, а затем были заменены на бюджетные правила от 8 марта 1906 г. «Правила о порядке рассмотрения Государственной Респиси доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, Респисью не предусмотренных», а также «Указ о мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений от 19 октября 1905 г.». Эта периодизация вбирает в себя особенности действующего бюджетного законодательства, которое имело два исключения, и оба они касались военного ведомства.

Заметим, что становление российской финансовой науки происходило в тесной связи и под влиянием зарубежных научных школ, что повлекло использование европейского опыта при введении реформы. Дореволюционная историография представлена публикациями в периодических изданиях и монографическими исследованиями российских экономистов, юристов, историков. Опубликованные издания позволяют четко обозначить причины этой группы реформ – бесконтрольное использование средств различными министерствами и ведомствами и невозможность свести единый бюджет в стране.

Разработка и проведение реформ происходило одновременно со становлением финансовой науки и наработкой специалистами категориального аппарата реформы, что отразилось на нечеткой терминологии. В частности, в тогдашней научной литературе и периодике звучали термины: «реформа единства кассы» или «реформа кассового устройства» и др. Реформу же государственного финансового контроля обычно называли сокращенно «реформа финконтроля», и широкой публике этот термин был вполне понятен.

Историки права, юристы и общественники исследовали связь органов Госфинконтроля с другими органами власти и доказали, что финансовый контроль в конце XIX в. уже рассматривался конкретными чиновниками России как институт финансового права, что стало возможным благодаря усилению роли российской финансовой науки.

Справочная литература позволила наблюдать численный прирост финансовых дефиниций и вместе с тем видеть имеющиеся прорехи в законодательных актах, которые позволяли военным ведомствам не четко планировать бюджет и получать доступ к спецбюджету. Благодаря использованному историко-правовому методу, предложенному профессором А. Филипповым, было доказано, что злоупотребление силовиков пагубно влияло на страну во времена военных и революционных потрясений. М.И. Боголепов первым описал употребление военными ведомствами термина «финансовая боевая готовность».

Отдельно подчеркнем, что немногим специалистам удалось четко назвать все причины несовершенства реформы Госфинконтроля. В этом плане выгодно отличается исследование Л.В. Ходского, который выделил четыре проблемы: процессуальную волокиту, забюрократизированность системы контроля, низкую квалификацию специалистов, неприятие обществом контролирующих органов.

Литература

Берлин, 1922 – Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М.: Книга, 1922. 308 с.

Блюмин, 1962 – Блюмин И.Г. Критика буржуазной политической экономии. В 3 т. М., 1962. 882 с.

- Бунге, 1895** – *Бунге Н.Х.* Очерки политико-экономической литературы. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. [2], VI, 465 с.
- Всеподданнейший доклад..., 1880** – Всеподданнейший доклад Государственного Контролера о развитии и деятельности Государственного Контроля с 1855 по 1880 г. СПб., 1880. 96 с.
- Гулящих, 2012** – *Гулящих Н.Е.* Формирование системы кредитных учреждений в Российской империи // *Евразийский юридический журнал*. 2012. № 10 (53). С. 119-122.
- Дубницкий, Лукин, 2015** – *Дубницкий В.Ю., Лукин В.А.* История развития государственного финансового контроля в Российской империи (1705–1917 гг.) // *БИ*. 2015. №5 (448). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-rossiyskoy-imperii-1705-1917-gg> (дата обращения: 28.06.2021).
- Ильинский, 1913** – *Ильинский А.А.* Рихард Вагнер, его жизнь и творения. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1913. [2], 85, [3] с., 16 л. ил.
- Кафенгауз, 1926** – *Кафенгауз, Б.Б.* Купеческие мемуары. Статья из книги: Московский край в его прошлом. М., 1926.
- Кулишер, 1923** – *Кулишер И.М.* Очерк истории русской торговли. Пг.: Атений, 1923. 317, IV с. На обл. и тит. л.: Петербург. Адрес хранения. НФ 3021.
- Манаев, 2010** – *Манаев Г.Г.* Московские департаменты Правительствующего сената в системе государственного управления Российской империи в первой четверти XIX века: Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук: спец. 07.00.2 «Отечественная история». М., 2010. 16 с.
- Мигулин, 1900** – *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769–1899): Опыт историко-критического обзора. Т. 2: Министерство И.А. Харьков, Печатное дело, 1900. [4], IV, 578, VIII с.
- Мурчисон, 1841** – *Мурчисон Р.И.* Краткий отчет о геологическом путешествии по России в 1841 г. Письмо Р. Мурчисона к его сиятельству господину министру финансов. Горный журнал. Ч. IV. № 11/12. 1841. С. 145-160.
- Русский архив, 1894** – *Русский архив: [Историко-литературный сборник].* В 12 вып. М.: Унив. тип., 1863–1917. 1894, 32 год изд. Кн. 3, вып. 12. [3], IV с., с. 465-640, XVI, 8, [2] с. Продолж. паг.
- Сакович и др., 1896** – *Сакович В.А., Меньковский С.В., Широков И.М.* Государственный контроль в России, его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы, кассового порядка и устройства государственной отчетности. Ч. 1. СПб., 1896; Ч. 2. СПб., 1897; Ч. 1. 2-е изд. СПб., 1898.
- Туган-Барановский, 1913** – *Туган-Барановски М.И.* Общественно-экономические идеалы нашего времени. СПб.: Вестник знаний (В.В. Битнера), 1913. 140 с., 1 л. портр.
- Шелохаев, 1997** – *Шелохаев В.В., Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика России (XIX – начало XX века). М.: Наука. 1997. 623 с.
- Яснопольский, 1912** – *Яснопольский Л.Н.* Очерки русского бюджетного права. Ч. 1: Исторический обзор составления наших государственных росписей и бюджетная реформа Татаринова. М.: В.П. Рябушинский, 1912. XIII, [3], 298, 99 с., таб. 2 л. таб. (Исследования и работы по политической экономии и общественным знаниям, изд. под ред. П.Б. Струве; Вып. 2.).
- Conant, 1908** – *Conant Ch.A.* Monetary Reform in Russia // *Bankers Magazine*. 1908. Vol. 76. June. Pp. 831-836.
- Dillon, 1904** – *Dillon E.J.* Has Russia any Strong Man? // *Review of Review's*. 1904. Apr. Vol. 29. P. 451.

References

- Berlin, 1922** – *Berlin, P.A.* (1922). Russkaya burzhuziia v staroe i novoe vremya [The Russian bourgeoisie in the old and new times]. М.: Kniga, 308 p. [in Russian]
- Blyumin, 1962** – *Blyumin, I.G.* (1962). Kritika burzhuznoi politicheskoi ekonomii [Criticism of bourgeois political economy]. V 3 t. М., 882 p. [in Russian]
- Bunge, 1895** – *Bunge, N.Kh.* (1895). Ocherki politiko-ekonomicheskoi literatury [Essays of political and economic literature]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma. [2], VI, 465 p. [in Russian]
- Conant, 1908** – *Conant, Ch.A.* (1908). Monetary Reform in Russia. *Bankers Magazine*. 76: 831-836.
- Dillon, 1904** – *Dillon, E.J.* Has Russia any Strong Man? *Review of Review's*. 29: 451.
- Dubnitskii, Lukin, 2015** – *Dubnitskii, V.Yu., Lukin, V.A.* (2015). Istoriya razvitiya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossiiskoi imperii (1705–1917 gg.) [A history of the development of state financial control in the Russian Empire (1705–1917)]. *BI*. 5(448). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-rossiyskoy-imperii-1705-1917-gg> (date of access: 28.06.2021). [in Russian]
- Gulyashchikh, 2012** – *Gulyashchikh, N.E.* (2012). Formirovanie sistemy kreditnykh uchrezhdenii v Rossiiskoi imperii [Formation of the system of credit institutions in the Russian Empire]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 10(53): 119-122. [in Russian]
- Il'inskii, 1913** – *Il'inskii, A.A.* (1913). Rikhard Vagner, ego zhizn' i tvoreniya [Richard Wagner, his life and works]. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, [2], 85, [3] с., 16 л. ил. [in Russian]

- Kafengauz, 1926** – *Kafengauz, B.B.* (1926). Kupecheskie memuary. Stat'ya iz knigi: Moskovskii krai v ego proshlom [Merchant memoirs. Article from the book: The Moscow Region in its past]. M. [in Russian]
- Kulisher, 1923** – *Kulisher, I.M.* (1923). Ocherk istorii russkoï trgovli [An essay on the History of Russian Trade]. Pg.: Atenei, 317, IV p. Na obl. i tit. l.: Peterburg. Adres khraneniya. HF 3021. [in Russian]
- Manaev, 2010** – *Manaev, G.G.* (2010). Moskovskie departamenty Pravitel'stvuyushchego senata v sisteme gosudarstvennogo upravleniya Rossiiskoi imperii v pervoi chetverti XIX veka: Avtoref. [Moscow departments of the Governing Senate in the system of state administration of the Russian Empire in the first quarter of the XIX century: abstract]. Diss. ... kand. istor. nauk: spets. 07.00.2 «Otechestvennaya istoriya». M., 2010. 16 p. [in Russian]
- Migulin, 1900** – *Migulin, P.P.* (1900). Russkii gosudarstvennyi kredit (1769–1899): Opyt istoriko-kriticheskogo obzora [Russian state credit (1769–1899): The experience of a historical and critical review]. T. 2: Ministerstvo I.A. Khar'kov, Pechatnoe delo. [4], IV, 578, VIII p. [in Russian]
- Murchinson, 1841** – *Murchison, R.I.* (1841). Kratkii otchet o geologicheskom puteshestvii po Rossii v 1841 g. Pis'mo R. Murchisona k ego siyatel'stvu gospodinu ministru finansov [A brief account of a geological journey through Russia in 1841. A letter from R. Murchison to His Excellency Mr. Minister of Finance]. *Gornyi zhurnal*. Ch. IV. № 11/12. Pp. 145–160. [in Russian]
- Russkii arkhiv, 1894** – Russkii arkhiv: [Istoriko-literaturnyi sbornik] Russian archive: [Historical and literary collection]. V 12 vyp. M.: Univ. tip., 1863–1917. 1894, 32 god izd. Kn. 3, vyp. 12. [3], IV s., pp. 465–640, XVI, 8, [2] p. Prodolz. pag. [in Russian]
- Sakovich i dr., 1896** – *Sakovich, V.A., Men'kovskii, S.V., Shirokov, I.M.* (1896). Gosudarstvennyi kontrol' v Rossii, ego istoriya i sovremennoe ustroistvo v svyazi s izlozheniem smetnoi sistemy, kassovogo poryadka i ustroistva gosudarstvennoi otchetnosti [State control in Russia, its history and modern device in connection with the statement of estimated system, kosovorotka and devices of the public auditor]. Ch. 1. SPb., 1896; Ch. 2. SPb., 1897; Ch. 1. 2-e izd. SPb., 1898. [in Russian]
- Shelokhaev, 1997** – *Shelokhaev, V.V., Gindin, I.F.* (1997). Banki i ekonomicheskaya politika Rossii (XIX – nachalo XX veka) [Banks and Economic policy of Russia (XIX – early XX century)]. M.: Nauka. 623 p. [in Russian]
- Tugan-Baranovskii, 1913** – *Tugan-Baranovskii, M.I.* (1913). Obshchestvenno-ekonomicheskie idealy nashego vremeni [Socio-economic ideals of our time]. SPb.: Vestnik znaniï (V.V. Bitnera), 1913. 140 s., 1 l. portr. [in Russian]
- Vsepoddanneishii doklad..., 1880** – Vsepoddanneishii doklad Gosudarstvennogo Kontrolera o razvitiï i deyatelnosti Gosudarstvennogo Kontrolera s 1855 po 1880 g. [Humbly report of the auditor General on the development and activities of the State Control from 1855 to 1880]. SPb., 1880. 96 p. [in Russian]
- Yasnopol'skii, 1912** – *Yasnopol'skii, L.N.* (1912). Ocherki russkogo byudzhethnogo prava. Ch. 1: Istoricheskii obzor sostavleniya nashikh gosudarstvennykh rospisei i byudzhethnaya reforma Tatarinova [Essays of Russian budget law. Part 1: Historical review of the compilation of our state murals and Tatarinov's budget reform]. M.: V.P. Ryabushinskii. XIII, [3], 298, 99 p., tab. 2 l. tab. (Issledovaniya i raboty po politicheskoi ekonomii i obshchestvennym znaniyam, izd. pod red. P.B. Struve; Vyp. 2.). [in Russian]

Реформа банковско-кредитной системы в 1860–1890 годах в Российской империи: историографический анализ

Екатерина В. Красавина ^{a, *}, Евгения В. Шубенкова ^a, Екатерина В. Новикова ^a, Юрий В. Забайкин ^b

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^b Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе (МГРИ), Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX века финансистам и политикам Российской империи пришлось отвечать на вызовы времени четкими шагами по реформированию банковского сектора. Поскольку результаты научно-технической революции потребовали активного финансирования, новых форм и методов поддержки предпринимательства, государство встало на путь реформирования банковско-кредитной системы. Политики того времени приобрели значительный опыт в области реформирования банковской системы, который не потерял своей актуальности для современных поколений реформаторов, особенно в плане осознания глубины допущенных ошибок. Накануне прогрессивных реформ 1860-х годов проблема привлечения иностранных инвестиций в промышленность и транспортную сеть Российской империи стала острой, поскольку дороги уже стали инструментом транснациональной политики и в то же время более разнообразными формами предпринимательства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Krasavina.EV@rea.ru (Е.В. Красавина), Shubenkova.EV@rea.ru (Е.В. Шубенкова), Novikova.EV@rea.ru (Е.В. Новикова)

Сеть банков и страховых компаний быстро расширялась в Европе, и отсутствие четкой нормативной базы для деятельности этих учреждений в Российской империи препятствовало как экономическому прогрессу, так и взаимодействию банковской системы на международном уровне.

Все историографические источники досоветской, советской и современной эпохи по этой теме можно условно разделить на несколько групп в зависимости от выбранных авторами проблем, которым они посвящены. В первую группу следует включить источники, посвященные развитию реформ, во вторую – работы, которые касались реформы конкретных банковских учреждений, в частности государственных, крестьянских, дворянских и других. Третья категория включает исследования, посвященные эволюции кредитной системы в рамках банковской системы. В зависимости от оценок событий и отношения авторов к результатам реформы можно выделить те работы, которые содержат положительные оценки событий и, конечно же, другую группу – с резкой критикой полученных результатов.

Ключевые слова: реформа, история, Российская империя, банковская система.